

А. М. Грязнова

О выставке работ художника М. В. Нестерова, прошедшей в 2013 г. в Москве

Прекрасного художника Михаила Васильевича Нестерова сначала я узнала, как портретиста и была поражена экспрессией его образов, глубиной и точностью выявления характеров. Потом была очарована картинами старо-русской жизни и щемящей красотой тихих пейзажей. Со временем всмотрелась, вжилась в особый лад «Видения отроку Варфоломею», в строгую и страстную высоту духа этого полотна. Оно остается любимейшим во всей русской живописи.

В то же время перед глазами часто встает другая картина Нестерова — «Молчание» (1903 г.).

Есть в ней для меня притягательная сила, заставляющая не просто смотреть, но и видеть. Видеть, возможно, нечто большее, чем то, что реально изображено. Придется все-таки описать полотно, чтобы пояснить, что вижу в нем я. Почти всю левую половину картину занимает утес или даже гора, которая темной массой возвышается над рекой. У ее подножия среди деревьев белеет церковка. А на вершине горы на фоне закатного неба виден купол другой церковки. Вместе с утесом обе они образуют вертикаль картины. А на переднем плане — река, и по ней неспешно,

Нестеров М. В. «Молчание» (1903 г.)

друг за другом плывут две лодки; в каждой по гребцу, чьи фигуры прописаны смутно, но можно понять, что это монахи. Справа у подножия горы едва различимы еще два купола храмовых строений. И вот берег реки, две лодки, полоса дальнего леса справа, длинные розоватые облака образуют горизонталь картины. И это сочетание широты и всеохватности горизонтали, вмещающей и человеческое присутствие, с вертикалью утеса и церквушек, устремленных к небу, рождает впечатление полноты жизни даже в этом мире молчания.

Когда-то мне довелось прочитать иную трактовку «Молчания». «Маленькие фигуры монахов в лодках кажутся точно придавленными темной, покрытой лесом горой, она нависает над ними, давит на них... Люди также одиноки, как две маленькие церковки, почти затерявшиеся среди тяжелого лесистого холма. В этой картине нет и следа того тихого радостного слияния с природой, того благостного умиления перед ее творениями, какое было в ранних работах Нестерова».

Считаю допустимым и такое толкование. Это право автора. Возможно, кто-то увидит и нечто совсем иное. Пожалуй, тем и ценные великие

произведения искусства, что дают простор для воображения и мысли и даже для неоднозначного взгляда на них.

Но еще раз вернусь к «Молчанию», на сей раз не к трактовке, а к ощущению, еще более трудно определяемому словами. Почему-то всякий раз при взгляде на это полотно я мысленно вижу еще одно великое творение: реальную церковку — церковь Покрова-на-Нерли. Самый трогательный посреди Земли русской! И меня омывает волна счастья, оттого, что существует эта неописуемая красота. Почему же эти два творения для меня так связаны друг с другом? Я ведь не испытываю при взгляде на картину этого внезапного всплеска радости. Напротив, в душе рождается тихая грусть и покой. А еще смиренье: так и должно быть — молчаливый простор, верховенство печальной природы, а в перекрестье горизонтали и вертикали, в этом средоточии мира — душа человеческая, которая всегда и всюду. И эти два столь разных ощущения сливаются в одно, уже не противореча друг другу, и я догадываюсь, почему: в них для меня заключается эмоциональный образ России — не государства, не страны, а — родины.

